

И.В. Лукоянов*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ САЛОН К.Ф. ГОЛОВИНА
И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ
В РОССИИ (1890–1900-е гг.)**

I. V. Lukoyanov

**K. F. GOLOVIN'S POLITICAL SALON AND THE FORMATION
OF RIGHTIST PARTIES IN RUSSIA (1890–1900s)**

Аннотация: Статья посвящена истории политического салона К.Ф. Головина, действовавшего со второй половины 1880-х гг. до смерти его хозяина в 1913 г. Салон занимал видное место среди других подобных неформальных сообществ (салоны В.П. Мещерского, Е.В. Богдановича), влиявших на формирование правительственной политики того времени. Выросший из неофициального кружка экономистов «Элиписис», где обсуждались аграрно-экономические проблемы России, салон постепенно расширил тематику дискуссий до вопросов государственного устройства империи. В статье показано важное значение салона как неофициальной политизированной структуры перед Первой русской революцией, когда его деятельность до определенной степени компенсировала отсутствие политических свобод. На «средах» К.Ф. Головина присутствовали как общественные деятели правового направления, так и чиновники средней руки, известны случаи апробирования в салоне некоторых мероприятий аграрной политики (В.И. Ковалевский, комиссия по оскудению центра), которые затем реализовывались. Салон К.Ф. Головина сыграл заметную роль при обсуждении проектов изменения государственного строя в 1905 г., особенно — учреждения Государственной думы, а именно вопроса о форме народного представительства и избирательного закона (смешанная коллегия выборщиков, выделение рабочей курии и др.). Параллельно К.Ф. Головин и постоянные посетители его «сред» принимали активное участие в попытках объединить умеренно правых и создать из них политическую партию. Эти попытки продолжались вплоть до 1912 г., но завершились неудачей. История салона также показывает важность неофициальной правой мысли прежде всего для власти: общественные деятели предлагали зачастую лучшие рецепты решения сложных проблем, а запрет на политическую деятельность создавал дефицит поддержки правительства со

* *Лукоянов Игорь Владимирович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор НИУ ВШЭ (СПб.)

Lukoyanov Igor' Vladimirovich, Doctor in History, Leading Research Fellow, Department of Modern History of Russia, Deputy Director for Research, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Professor, Higher School of Economics, St. Petersburg +7-812-235-15-80; lukoiyanov@yandex.ru

стороны благонамеренного общества, который невозможно было восполнить активностью бюрократического аппарата. «Среды» являлись частью сложных механизмов, которые связывали монархическое общественное мнение и власть, но в начале XX в. их было уже явно недостаточно.

Ключевые слова: политический салон, Российская империя, государственный строй, реформы, идеология умеренно правых, аграрный вопрос, С.Ю. Витте.

Abstract. The article covers the history of K.F. Golovin's salon, which was held from the second half of the 1880s until the death of its host in 1913. The salon occupied a prominent place among other similar informal gatherings (V.P. Meshchersky's, E.V. Bogdanovich's salons) which influenced the formation of the contemporaneous government policy. Grown out of the "Ellipsis", an informal circle of economists discussing the agrarian and economic problems of Russia, the salon gradually expanded the range of topics to include questions of the political structure of the empire. The article shows the importance of the salon as an unofficial politicized institution prior to the First Russian Revolution, when its activities to some extent compensated the lack of political freedoms. K.F. Golovin's Wednesday coterie was attended both by public figures of the right wing and middle-ranking officials. In some cases, certain agricultural policy measures (V.I. Kovalevsky, the Commission on the Impoverishment of the Central Provinces), which were later implemented, were tested there. K.F. Golovin's salon played a prominent role in the discussion of the drafts aiming to change the political system in 1905, especially concerning the establishment of the State Duma, and namely, the question of the form of popular representation and the electoral law (a mixed electoral college, the forming of the workers' curia, etc.). In parallel K.F. Golovin and the regular visitors of his "Wednesdays" took an active part in the attempts to unite the moderate-right and create a political party on this basis. These attempts continued to be made until 1912, but ended in failure. The history of the salon also shows the importance which unofficial right-wing thought had, first and foremost, for the authorities: public figures often offered better recipes for solving complex problems, while the ban on political activity created a deficit of government support from loyalist citizens, a deficit which could not be covered by the activity of the bureaucratic apparatus. The Wednesday salons were part of those complex mechanisms which tied the promonarchist public and the authorities. However, by the early 20th century they had clearly become insufficient.

Keywords: political salon, Russian Empire, system of government, reforms, ideology of the moderate right, agrarian question, S.Yu. Witte.

* * *

Одной из известных особенностей политической жизни Российской империи являлось позднее структурирование политической системы общества. Вплоть до Первой русской революции, в условиях запрета политической деятельности, существовавшие кружки замещали отсутствовавшие партии. Среди правого лагеря рубежа XIX–XX в. выделяется фигура К.Ф. Головина, известного публициста, хозяина небольшого, но деятельного и влиятельного политического салона.

Литературы о салоне почти нет, за исключением нескольких работ о самом К.Ф. Головине¹. Некоторую информацию о Константине Федоровиче Головине можно найти в его мемуарах, два тома которых были изданы еще при его жизни, а третий, начатый, по видимому так и не был завершен. До публикации воспоминаний ряд деталей из своей жизни он сообщил П.В. Быкову для готовившегося тогда словаря русских литераторов. К.Ф. Головин родился в Стрельне 21 июля 1843 г. Семья принадлежала к элите общества: его отец был близок Николаю I, дослужился до должности прибалтийского генерал-губернатора. Мать — Александра Алексеевна, дочь государственного контролера А.В. Хитрово. Как вспоминал К.Ф. Головин, его детство прошло одиноко, «почти без товарищей». Получив хорошее домашнее образование, в 16 лет, будучи «совершенным ребенком, не знающим жизни и даже не способным ее узнать», он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Студенческие годы остались в памяти как «бесспорно, самое светлое время моей жизни»².

После университета К.Ф. Головин 1 января 1864 г. начал службу во Втором отделении Собственной Его императорского величества канцелярии. В 1870–1875 гг. он являлся ответственным редактором 14-го тома «Свода законов Российской империи» — нелегкая и престижная работа для молодого чиновника. Затем К.Ф. Головин принимает неожиданное решение — переходит в Министерство государственных имуществ, служба в котором обещала много рутины и мало шансов на продолжение успешной карьеры. В мемуарах он утверждал, что именно там была «настоящая работа», однако П.В. Быкову признался, что служба «никогда меня серьезно не интересовала»³.

На дальнейшую карьеру К.Ф. Головина повлияло ухудшение здоровья: в 1877 г. он заболел спинной сухоткой, в сентябре 1881 г. полностью ослеп, также он был частично парализован, утратив возможность ходить⁴. Тем не менее, проявив незаурядное мужество, чиновник не смирился с участью полного инвалида, а продолжил службу, активно участвуя в работе ряда комиссий и совещаний. К.Ф. Головин также

¹ Солоусов А.С. Общественно-политические и экономические взгляды К.Ф. Головина в 80-е – 90-е гг. XIX в. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 161–167. Статья выполнена преимущественно на энциклопедических материалах и воспоминаниях самого К.Ф. Головина. См. также: Антонцева В.А. Аграрная программа К.Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005.

² К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 1 об.

³ Там же.

⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1129; К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

развернул публицистическую и художественную деятельность: написал несколько романов, повестей, пьес, которые пользовались в свое время популярностью и даже конкурировали с романами Ф.М. Достоевского. Наконец, спустя несколько лет преуспевающий литератор организовал у себя дома «среды», куда приглашал близких ему по духу и взглядам гостей — преимущественно средних чиновников, а также землевладельцев, интересующихся аграрным вопросом. Позднее он с горькой иронией писал, что там «приобрел своих теперешних друзей, которых никогда даже не видел в глаза»⁵.

На взгляды К.Ф. Головина существенное влияние оказали его служебные занятия по крестьянскому вопросу. Будучи безусловным сторонником самодержавия и защитником помещичьих интересов, он отличался от большинства правых конца XIX в. прежде всего тем, что был убежденным противником крестьянской общины⁶. Уже в 1887 г. он заключал: «мы глубоко убеждены в окончательном и неизбежном исчезновении общины»⁷, если предоставить ее самой себе. Одновременно он стремился сохранить сословную обособленность крестьянства и в то же время дать простор экономическому развитию хозяйства, т.е. буржуазным порядкам. Свои мысли по аграрному вопросу он изложил в 1895 г. в записке, адресованной Николаю II. В ней он настаивал на необходимости внедрять в крестьянскую среду частную собственность на землю, призывая не бояться пролетаризации⁸. Это шло вразрез с линией, заданной законом 14 декабря 1893 г., ограничившим возможности крестьян распоряжаться надельной землей (ее приобретение было возможно только лицами «сельского состояния», запрещен залог, досрочный выкуп надела оговаривался согласием 2/3 схода с последующим утверждением уездным съездом земских начальников). Можно сказать, что это была одна из ранних попыток пересмотреть правительственный курс, т.е. то, о чем стал говорить и писать С.Ю. Витте с 1896 г. Позднее, в 1904 г. публицист видел идеал для России в виде отрубного двора как хозяйственной единицы, которая в его представлении не должна была разрушать общину⁹. Он даже придумал заповедность крестьянских хуторских хозяйств в 10–16 десятин¹⁰.

⁵ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января 6/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

⁶ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 2: (1881–1894). СПб., 1910. С. 67.

⁷ Головин К.Ф. Сельская община в литературе и действительности. М., 1887. С. 81, 259.

⁸ Записка К.Ф. Головина Николаю II. Сентябрь 1895 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 501. Л. 49–59.

⁹ Новое время. 1904. 10 апреля. №10094.

¹⁰ Головин К.Ф. Сельская община... С. 209–210, 243–244, 254–255.

К.Ф. Головин признавал полезность земства и ошибочность политики власти по отношению к самоуправлению¹¹. Предлагая развивать институт самоуправления через усиление роли в нем дворянства, а также через объединение низшей его ячейки с приходом¹², он опередил на целый ряд лет ход мыслей правительственных реформаторов, работавших над схожей комбинацией уже в эпоху П.А. Столыпина. Его позиция отчасти напоминала подход В.К. Плеве: усиление административной власти при попытке одновременно освободить хозяйственную инициативу и расширить компетенцию земств. К.Ф. Головин представлял самоуправление «не как выделение известных функций в особый цикл специально земских дел, а как участие людей земли, выборных от общества, в общем ходе местного управления. В моих глазах губернатор — конституционный король провинции, окруженный двумя палатами, из которых нижняя — земское собрание, а верхняя — предлагаемый мной губернский совет». В этой схеме земству поручалось вести все хозяйственные дела губернии, а исполнение его проектов вменялось частично «правительственным должностным лицам», но над ними ставился губернский совет как утверждающая и контролирующая инстанция¹³. Впрочем, вопреки курсу В.К. Плеве, К.Ф. Головин видел в губернаторе не хозяина губернии, а лишь председателя губернских коллегияльных учреждений и выступал против должности уездного начальника¹⁴.

На почве обсуждения аграрных и административных вопросов постепенно сложился небольшой круг заинтересованных участников, посещавших К.Ф. Головина. Он сам сообщил, что в 1878 г., когда еще не потерял зрение, вместе с А.С. Ермоловым, В.Г. Трироговым и под председательством Ф.А. Левшиным основал «частный кружок экономистов» под названием «Эллипсис», который просуществовал до 1887 г.¹⁵ На заседаниях обсуждались различные социально-экономические проблемы, например, судьба общины, деятельность Кахановской комиссии. Дискуссии имели резонанс: так, К.Ф. Головин полагал, что именно в «Эллипсисе» была намечена программа учреждения земских начальников (против которых он возражал!), что в итоге привело к концу кружка из-за возникших разногласий¹⁶. Его сменили «среды», начавшиеся в 1886 г.¹⁷, с более широким спектром

¹¹ Новое время. 1900. 12 января. №8576.

¹² Новое время. 1901. 16 ноября. №9233; 1903. 8 марта. №9701.

¹³ К.Ф. Головин — К.К. Арсеньеву 4 апреля, б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 359. Оп. 1. № 19. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁴ Новое время. 1903. 5 апреля. №9729; 18 апреля. №9740.

¹⁵ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2; Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 72-73.

¹⁶ Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 73, 148-149.

¹⁷ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

обсуждаемых вопросов. Постепенно политическая составляющая в тематике бесед увеличивалась.

На рубеже XIX–XX круг посетителей «сред» отличался профессионализмом и компетентностью. Дискуссии в салоне вращались в основном вокруг экономической политики правительства и административных реформ. Их свидетель В.И. Гурко назвал «среды» «политическим салоном», который он разместил посередине (согласно «политической окраске») между собраниями у В.П. Мещерского (который был «значительно правее») и кружком «Вестника Европы» К.К. Арсеньева («просвещенный либерализм» столичной интеллигенции, желавшей «введения конституции даже не парламентского типа») ¹⁸. Эту оценку можно уточнить. Взгляды хозяина и большинства присутствовавших гостей можно представить, вероятно, как нечто среднее между направлениями «Нового времени» и «Гражданина» — наиболее известных и влиятельных органов правой политической мысли, частым автором которых был хозяин салона. К.Ф. Головин по сути своих идей и установок являлся несомненным консерватором. «В картинке я люблю рисунок, в печатном слове — идею, в художественном произведении — ясность содержания, в природе — солнце, а в человеке — характер. За всё это, конечно, меня ругали, так как нет во мне никакой смеси кислых щей с либеральной или хотя бы с благонамеренной окрошкой» ¹⁹. Одновременно К.Ф. Головин называл себя западником ²⁰. «Не скрою, хотя я по профессии (так! — *И.Л.*) исконно русский, мне здешние (прибалтийские. — *И.Л.*) *Anffangung* (порядки. — *И.Л.*) симпатичнее нашей бесформенности, полного отсутствия нравственного скелета в русской душе, готовой витать в пустом пространстве между двумя противоположными полюсами социализма и кулачества» ²¹. Из этого вытекало его неприятие общины — в отличие от других участников «сред», — что не мешало хорошим отношениям между ними: «споры как будто даже питали дружбу» ²².

В.И. Гурко дал краткие характеристики некоторым постоянным участникам салона К.Ф. Головина. Среди них большинство были «ор-

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 279. Мемуарист появился в доме К.Ф. Головина, вероятно, в начале XX в., став начальником Земского отдела в МВД и будучи озадачен проведением крестьянской реформы после известных аграрных беспорядков в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.

¹⁹ К.Ф. Головин — А.А. Луговому 7 июля [1904 г.] // ОР ИРЛИ. 7294. LXIIб. 37. Л. 29 об.

²⁰ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 12 августа 1907 г. // ОР РГБ. Ф.265. К.186. №16. Л.19.

²¹ К.Ф. Головин — А.А. Луговому 7 июля [1904 г.] // ОР ИРЛИ. 7294. LXIIб. 37. Л. 29 об.

²² Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 66.

ловцы», «землевладельцы земской складки»: Н.А. Хвостов, обер-прокурор Второго департамента Сената, занимавшийся крестьянскими делами, являлся «ярм поклонником земельной общины и обособленного крестьянского управления и суда». Одной из своей заслуг он числил то, что еще в 1885 г. склонил Д.А. Толстого к введению запрета на отчуждение крестьянских надельных земель (который был реализован в 1893 г.)²³. С.С. Бехтеев, также уроженец Орловской губернии и шурин Н.А. Хвостова, возглавлял елецкую уездную земскую управу и служил предводителем дворянства; это был человек, «не лишенный некоторых познаний в области экономических вопросов», чьи взгляды эволюционировали от сторонника крестьянской общины до «энергичного проповедника необходимости перехода крестьян к личному землевладению». А.А. Нарышкин, товарищ министра земледелия и государственных имуществ, затем сенатор, также начинавший свою служебную деятельность в орловском земстве, будучи глубоко порядочным человеком, являлся также «ярм русским патриотом». «Славянофил чистой воды, он был убежденным сторонником триединой формулы — “самодержавие, православие, народность”, влагая, однако, в эту формулу отнюдь не полицейское содержание» и до 1905 г. даже «почитал самого себя либералом». Также орловец А.Д. Поленов удостоился от В.И. Гурко нелестной характеристики: «был человеком неглупым, но тупым, смотрящим на мир Божий через рисующие его статистические цифры»²⁴. Тем не менее, он при А.С. Ермолове служил директором департамента, затем товарищем министра. Частым гостем салона являлся П.Х. Шванебах, будущий государственный контролер в кабинетах И.Л. Горемыкина и П.А. Столыпина. «Несомненный знаток экономических вопросов», он был «убежденным и жестким противником экономической политики Витте».

Наконец, кроме постоянных посетителей в салоне собиралось и «множество других лиц переменного состава», включая будущих либералов П.А. Гейдена, П.Д. Долгорукова, а также А.Н. Брянчанинова, «честолюбивого политикана, не сумевшего пристроиться ни к какому определенному политическому течению»²⁵. Этот список легко пополнить из других источников (А.Д. Пазухин, А.В. Евреинов (Курск), Н.Н. Кутлер, А.С. Стишинский, П.П. Кобылинский, А.И. Воейков, А.И. Лыкошин, В.Г. Тригоров, И.И. Кауфман, А.С. Ионин, М.А. Хитрово, Р.А. Дистерло, Я.П. Полонский и др.)²⁶, из него склады-

²³ Н.А. Хвостов — Ф.Д. Самарину 21 октября 1902 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 206. № 6.

²⁴ Гурко В.И. Указ. соч. С. 280–281. О Н.А. Хвостове и С.С. Бехтееве см. также: Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 64–66.

²⁵ Гурко В.И. Указ соч. С. 282.

²⁶ Характеристики некоторых из них см.: Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 110–114.

вается впечатление аморфности политической физиономии «сред». На самом деле это не так. В салоне К.Ф. Головина кристаллизовались взгляды и направления преимущественно умеренно-правой мысли, а присутствие широкого спектра мнений свидетельствует лишь о неразвитости политической системы в России. Да и откуда ей было взяться при запрете политической деятельности и отсутствии представительных учреждений, которые никак не могли быть замещены земством или дворянской сословной организацией.

«Чрезвычайно своеобразный характер всему салону К.Ф. Головина придавал сам хозяин: слепой паралитик, не владевший ногами и лишь слабо владевший руками, он, тем не менее, умел объединять людей даже иногда довольно различных взглядов, умел заводить беседу и даже, до известной степени, направлять ее. Физический разбитый старик сохранял юношескую живость ума и горячий интерес к самым разнообразным вопросам общественной и государственной жизни»²⁷.

Во второй половине 1890-х гг. в салоне группировались по интересу противники экономической политики С.Ю. Витте, отстаивавшие интересы аграрного сектора перед односторонним курсом на развитие промышленности. «При этом, разумеется, пересаливали, с одной стороны, доказывая, что все осуществленные Витте реформы губительны для страны, а с другой, утверждая, что он ведет страну к определенному финансовому краху»²⁸. Посетители «сред» приняли активное участие в борьбе с золотой реформой С.Ю. Витте²⁹. Надо признать, что одними из самых содержательных были возражения К.Ф. Головина. Энергия сопротивления так и брызжет из его сопроводительного письма к статье для «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Она немного воинственна по тону, но что же мне делать, когда у нас и официальные сферы и печать находятся в каком-то оцепенении перед проектами Сергея Юльевича. Я считаю своей обязанностью верноподданного говорить правду»³⁰. В частности, он отметил серьезную опасность оттока золота из России и в связи с этим возможность дефицита платежного баланса империи³¹. Опасения не оправдались, но их реальность признавал и сам министр финансов.

Помимо критики правительственной политики и обсуждения своих идей салону было важно найти пути их реализации. Доступный

²⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 283.

²⁸ Там же.

²⁹ См., например: *Поленов А.Д.* Монетный вопрос. М., 1898; 2-е изд.: М., 1900. Автор ратовал за возвращение к серебряному стандарту рубля.

³⁰ К.Ф. Головин — Э.Э. Ухтомскому 17 марта 1896 г. // РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 22. Л. 17.

³¹ *Головин К.Ф.* Мои воспоминания... С. 251–268.

путь заключался в участии посетителей «сред» в различных совещаниях, куда по заведенной практике нередко приглашали не только чиновников, но и так называемых «сведущих людей». Так, в комиссию Н.С. Абазы о майоратах вошли участники «сред» А.С. Ермолов, А.Д. Оболенский, А.А. Нарышкин, Л.Д. Вяземский и сам К.Ф. Головин. Разумеется, они пытались проводить свои представления. Вот, например, что пишет К.Ф. Головин в конце 1894 г.: сделав всё «для осуществления нашей мысли», — заручившись согласием нескольких крупных чиновников, теперь нужно «установить список участников и определить срок начала занятий». То есть, адресант превращал свои «среды» в заседания экспертной группы, чье мнение имело бы значение. «Медлить незачем: в декабре соберутся губернские комиссии и, если мы не замешкаемся, можно будет их опередить и к 1-му февраля представить министерству нашу работу»³².

Также проявилась тенденция к эволюции салона в более устойчивое объединение. При запрете политической деятельности состав собравшихся и тематика обсуждений наталкивали на мысль использовать корпоративные права дворянства. Поэтому «с легкой руки С. Бехтеева зарождается мысль о “союзе”, только не писателей, а сельских хозяев <...> По крайней мере, этой идее предшествовали проекты Земских соборов. Пожалуй, это будет коррективом первому союзу, и пока ни у одного нет политической власти и пока контроль над ними будет силен, опасности не будет»³³. Конечно, строки из частного доноса, сообщавшего министру внутренних дел о деятельности салона К.Ф. Головина, нельзя воспринимать слишком буквально. Особенно это касается упоминания о «проектах» Земских соборов: скорее всего, осведомитель отразил циркулировавшие тогда в обществе общие рассуждения о желательности возвращения к сословно-представительной монархии, что не затрагивало бы суть самодержавия и в то же время вводило в империи институт выборного представительства. Понятно, что все доноски заостряли обсуждаемые темы, но сообщенное укладывается в рамки лояльной политизации «сред».

³² К.Ф. Головин — неизвестному адресату 25 ноября 1894 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. №260. Л. 7–7 об. Что это была за «мысль», из письма непонятно. В мемуарах К.Ф. Головин дал слишком общую характеристику их занятий: участники пытались снизить (до 2,5 тыс. десятин) размер майоратного имения, но одновременно были озабочены тем, чтобы сохранить цензы для участия помещиков в земстве и обеспечить средствами тех, кто не унаследовал майорат (*Головин К.Ф. Мои воспоминания...* С. 232–234).

³³ В.А. Гольмстрём — И.Л. Горемыкину 10 мая 1897 г. // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 588. Л. 2 об. Осведомленность адресанта вызывает сомнения: у К.Ф. Головина, как пишет сам В.А. Гольмстрём, он был всего два раза, а затем перестал посещать его. Объяснение причин выглядит неубедительно: якобы автор письма обиделся на то, что в нем заподозрили «жида», а также опасался слухов и стремления перетянуть его на свою сторону (?). Скорее, он почувствовал, что его «улов» слишком скромнен.

Впрочем, размер «опасности» власть не преувеличивала. В 1897 г. салон регулярно привлекал на заседания около 10 человек, «редко больше». «Иногда» его посещали Н.С. Таганцев, А.Н. Куломзин, оба Оболенских, А.С. Ермолов, но лишь до того, как стал министром³⁴. Параллельно с обсуждением новой формы объединения продолжались поиски путей продвижения своих идей во власть. Например, С.С. Бехтеев в середине 1890-х гг. письмами увещевал С.Ю. Витте, обещая способствовать «возвращению к Вам добрых чувств того сословия, к которому мы с Вами принадлежим». В несколько менторском тоне он убеждал министра финансов, что тот не знает России, что до него не доходит «вся правда» (Бехтеев ее, конечно, знал), наконец, прямо призывал сановника искать поддержки масс (т.е. помещиков)³⁵. Конечно, такая наивная атака на политику министра финансов была обречена на неудачу. Но С.Ю. Витте услышал готовность салона к дискуссиям: в 1899 г. товарищ министра финансов В.И. Ковалевский (который не был постоянным посетителем «сред») поднял на собраниях у К.Ф. Головина вопрос о «цене окраин» для России. Следствием его обсуждения стала сначала брошюра А.Д. Поленова «Исследование экономического положения центральных черноземных губерний», а затем и создание комиссии по оскудению центра, автор же был приглашен на должность директора одного из департаментов Министерства земледелия и государственных имуществ³⁶. В комиссию помимо чиновников ведомства были включены 7 посторонних лиц, трое из них были посетителями салона К.Ф. Головина (он сам, С.С. Бехтеев, А.Д. Поленов)³⁷. К определенным выводам о причинах бедности земледельцев в центре России комиссия не пришла, но среди указанных ею причин оказалось правовое «неустройство» крестьянского сословия и необходимость его ликвидации³⁸ — одна из давних идей самого К.Ф. Головина и завсегдатаев его «сред».

В мае 1903 г. С.С. Бехтееву удалось представиться Николаю II и получить разрешение подготовить записку об экономическом благосостоянии сельских сословий³⁹. Записка «О важнейших мероприятиях к подъему экономического благосостояния земледельческого сословия» была представлена самодержцу 14 января 1904 г. Считая земледелие основой хозяйственной и государственной жизни Рос-

³⁴ Н.А. Хвостов — Ф.Д. Самарину 29 ноября 1897 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 206. № 6.

³⁵ С.С. Бехтеев — С.Ю. Витте б/д и 24 июня 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 189. Л. 24-25, 76-80.

³⁶ Гурко В.И. Указ. соч. С. 281-282.

³⁷ Исследования экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 г. / Сост. А.Д. Поленов. М., 1901. С. 1, прим.

³⁸ Там же. С. 68-69.

³⁹ С.С. Бехтеев — Николаю II 14 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.

сии и критикуя политику индустриализации, автор, тем не менее, оказался беспомощен в рецептах развития аграрной экономики. Справедливо констатируя бедность деревни, С.С. Бехтеев объяснял ее склонностью помещиков к излишним тратам и «некультурностью» крестьянских хозяйств, с которой следовало бороться через распространение сельскохозяйственных знаний. Это было значительно примитивнее рецептов, обсуждавшихся на «средах». Единственной содержательной мерой можно считать лишь предложение, давно выдвинутое К.Ф. Головиным, — разрешить «расселение крестьян в пределах их земельного надела»⁴⁰. Тем не менее, Николай II пометил на первой странице записки: «Много верного»⁴¹. В каком-то смысле это можно рассматривать как высочайшее признание полезности салона К.Ф. Головина.

Дальнейшее втягивание салона в политику связано с В.К. Плеве. Как известно, министр внутренних дел был противником С.Ю. Витте, в том числе его экономического курса. В этом противостоянии ему было нетрудно обнаружить союзников среди посетителей салона. По сведениям В.И. Гурко, на «средах» была составлена записка об экономической политике, которая предназначалась для В.К. Плеве «и, вероятно, дала ему некоторый материал в его кампании против Витте». Министр внутренних дел был подчеркнуто любезен к ее авторам, принял их и «вел с ними продолжительную беседу»⁴². Не стала ли ее результатом помощь салона Г.П. Сазонову для реанимации газеты «Россия» (готовность выделить на это 30–50 тыс. руб.)⁴³? Разумеется, газета стала бы рупором оппонентов С.Ю. Витте, так как инициатор давно прослыл защитником крестьянской общины, пусть и с народнических позиций. Г.П. Сазонов также видел в газете средство борьбы с революционной пропагандой, более действенное, чем запреты, что совпадало с позицией К.Ф. Головина, который писал: «Нельзя не заметить, однако, что мало-помалу свободное слово отвоевывает себе некоторое право гражданства и что средство борьбы с ним напоминает порою намалеванных китайских драконов. Не замечаете ли Вы, как постепенно переходят в оппозицию все оттенки мнений, даже самые консервативные»⁴⁴. Однако скандал вокруг фельетона А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» не позволил салону обзавестись вождеденной печатной трибуной для пропаганды своих идей.

Звездный час салона К.Ф. Головина пришел в 1905 г. при обсуждении и разработке программы модернизации государственного

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 244. Л. 16 об. — 19.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Гурко В.И. Указ. соч. С. 284.

⁴³ Сазонов Г.П. Воспоминания // РГИА. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 63. Л. 29 об.

⁴⁴ К.Ф. Головин — М.М. Стасюлевичу 14 мая 1898 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. №443. Л. 14.

строю. Растерянность власти, наступившая в конце 1904 г., попытка П.Д. Святополк-Мирского подготовить пакет реформ, быстро оформляющаяся либеральная оппозиция в виде земских съездов, требующая конституции, создали сильное политическое напряжение в России. В это время уже отчетливо проявился парадокс: отсутствие политических свобод больно ударило и по правительству, так как затрудняло формирование верноподданнического направления в общественном мнении. Попытка же объединить вокруг защиты самодержавия дворянские общества привела к тому, что значительная, если не большая, часть губернских предводителей с осторожностью, но поддержала умеренно-либеральную оппозицию и ее платформу⁴⁵. В ноябре 1904 г. им протостояли разрозненные группы правых, среди которых заметное место занимал салон К.Ф. Головина.

Публицист еще до начала революции открыто заговорил о создании Совета министров и постоянном призыве в столицу сведущих людей — губернских предводителей дворянства и выборных от земских собраний. Таким образом он стремился продвинуть идею представительства, не допуская всеобщих выборов⁴⁶. Статья не случайно появилась в «Гражданине»: для князя В.П. Мещерского было важно обеспечить публичную (пусть и в сильно ограниченных рамках) поддержку своей реформаторской программы, призванной соперничать с либеральной, которую он задумал вместе с Николаем II в 1902 — начале 1903 г. и которую в итоге сильно урезал В.К. Плеве⁴⁷.

В ноябре 1904 г., когда программа князя П.Д. Святополк-Мирского еще только разрабатывалась его ближайшим сотрудником С.Е. Крыжановским, К.Ф. Головин предложил свой набор необходимых преобразований, предварительно обсужденных в его салоне. Прежде всего, это введение новых членов в Государственный совет: выборных от губернских земств — в состав соединенных департаментов, а представителей губернских дворянских собраний, городского самоуправления, купечества, церкви (не только православной, но и католической), а также университетов — в состав общего собрания. По мнению публициста, пополнение палаты полуторастами избранниками обеспечило бы правительству поддержку общества: «сделавшись участниками власти, они станут ее защитниками»⁴⁸.

⁴⁵ Лукоянов И.В. Предыстория объединенного дворянства: «беседы» губернских предводителей в конце 1904 — начале 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года: «беседы» губернских предводителей. СПб., 2017. С. 11–23.

⁴⁶ Гражданин. 1903. 19 января. № 6. С. 5–6.

⁴⁷ Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л., 1983. С. 156–169.

⁴⁸ Письмо 8 ноября 1904 г. и записка К.Ф. Головина П.Д. Святополк-Мирскому // ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 144, 609. Печатный вариант этой записки датирован 3 ноября 1904 г., она сохранилась в значительном количестве экземпляров. Цитата — Л. 6 об.

В сопроводительном письме К.Ф. Головин предлагал правительству озаботиться созданием опоры из поземельного дворянства и купечества, которых следовало перетянуть на свою сторону, оторвав их от симпатий демократическим веяниям⁴⁹. Мнение Государственного совета, представляемое в формах большинства и меньшинства, ни в чем не связывало бы императорскую власть: Николай II, как и прежде, мог соглашаться с любым из них.

Через посетителя своего салона Н.Е. Комаровского К.Ф. Головин передал записку П.Д. Святополк-Мирскому⁵⁰. Участники «сред» выразили общее желание напечатать текст для распространения ее «в среде вполне благонадежных элементов». Но министр внутренних дел запретил публикацию даже в «Гражданине», по-видимому, избегая публичной полемики о реформе государственного строя⁵¹. Однако на правах рукописи записка была все-таки отпечатана и получила известность среди правых.

Следующая записка, увидевшая свет после 17 января 1905 г., предлагала правительству рецепты исполнения указа Сенату 12 декабря 1904 г. В ней перечислены те, кто принимал участие в составлении текста, и, по-видимому, вполне разделял предложенные рецепты, всего 13 человек⁵². Кроме уже упомянутых лиц появились и новые: Л.Д. Вяземский, И.А. Звегинцов, Н.Е. Комаровский, С.А. Толь, А.А. Куракин, С.С. Абамелек-Лазарев, А.А. Мусин-Пушкин, И.В. Стенбок-Фермор. Это означает, что круг участников «сред» и соавторов текстов увеличился, что отражало политизацию общества в целом. Содержание же текста выявило растерянность посетителей салона на рубеже 1904–1905 гг.: идея призыва выборных в состав Государственного совета исчезла из записки полностью, а желаемые перемены были сведены к некоторому преобразованию законодательства, а также контроля за его соблюдением, для чего следовало восстановить надзорную роль Сената. Одновременно К.Ф. Головин вернулся к излюбленной идее наделения гражданскими правами крестьян (при сохранении сословной обособленности!), а также совершенствованию правового регулирования согласно царскому указу⁵³. Салон перечислил нема-

⁴⁹ К.Ф. Головин — П.Д. Святополк-Мирскому 8 ноября 1904 г. (копия) // РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 58. Л. 58.

⁵⁰ Н.Е. Комаровский — П.Д. Святополк-Мирскому (копия) 10 ноября 1904 г. // РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

⁵¹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 306. Запись 9 ноября 1904 г.

⁵² К.Ф. Головин сообщал, что в записке «сведены журналы совещаний, имевших место у меня в истекшем январе» (К.Ф. Головин — В.Н. Коковцову 3 февраля 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 502. Л. 3). Сами журналы по-видимому не сохранились.

⁵³ Печатные экземпляры записки без подписи и названия с указанием «На правах рукописи» имеются в значительном количестве копий (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 514. Ч. 1. Л. 50–54; ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 32. Л. 14–18; РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 98 и др.).

лый перечень мер: упор на имущественный ценз в земских выборах и вообще возвращение к Положению 1864 г. как жест в сторону общества, необходимость страхования рабочих, сохранение ограничений евреев для защиты русского крестьянства и т.д. За этим скрывалась другая, не высказанная вслух мысль: уступок либералам не должно быть много. Но такая позиция не обещала успокоения, т.е. накануне революции правая мысль явно забуксовала.

Разрешение, данное в высочайшем указе Сенату 18 февраля 1905 г. частным лицам и учреждениям обращаться в Совет министров «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», наконец открыло легальные возможности для реформаторской мысли. В салоне К.Ф. Головина закипела работа. Весной 1905 г. участники «сред» сочинили целую серию записок, посвященных необходимым переменам государственного строя и возможным их формам. На фоне других многочисленных и, как правило, слабых сочинений следует отметить записку хозяина салона, поданную им уже 26 февраля 1905 г.⁵⁴ Она содержала детально разработанный план избрания народных представителей при сохранении неограниченного самодержавия и без создания нового учреждения, что вполне устраивало власть. Автор вернулся к идее пополнить Государственный совет избираемыми членами, которую он уже высказывал П.Д. Святополк-Мирскому. Принцип равенства при голосовании он исключил, предложил проводить выборы по 4 сословиям (дворянство, духовенство, крестьянство и купечество) и в 12 крупнейших городах. Наряду с избираемой частью сохранялась и назначаемая царем, куда К.Ф. Головин включил губернских предводителей дворянства, верхушку Русской православной церкви, 6 городских голов и двух представителей Финляндского сейма. Предложенная система выборов казалась безопасной для самодержавия: речь не шла о всеобщем избирательном праве, а новые члены Государственного совета представляли бы не население империи, а некоторые сословно-корпоративные организации, в которых преобладали умеренные элементы. Исключение делалось только для крестьянства в надежде на его монархизм. К.Ф. Головин открыто писал, что цель его предложений — «пробудить» от пассивности «консервативные элементы России и вызвать в их среде деятельный отпор крамоле». Наличие в документах Совета министров изложения этой записки свидетельствует, что на нее сразу обратили пристальное внимание⁵⁵. Все базовые идеи публициста были востребованы при подготовке избирательного закона в Государственную думу и реформы Государственного совета в конце 1905 — начале 1906 г.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 40. Л. 496–502.

⁵⁵ Там же. Д. 6. Л. 4–4 об.

Обсуждение записки также показало тревожную тенденцию: рост несогласия среди посетителей «сред». «Из всего числа собравшихся у него только 4 согласились приложить свою руку» к тексту, остальные намеревались представить особые мнения. «Когда же стали перечислять последние, то бедный слепец впал в отчаяние» и решил послать свою записку в правительство без всяких изменений⁵⁶.

К.Ф. Головин, по-видимому, при участии В.И. Гурко, подготовил также собственный вариант учреждения народного представительства (не в виде Земского собора). Он являлся сторонником большого форума из нескольких сотен депутатов. «Некоторое многолюдство собрания нужно потому, что баллотировальное мясо и есть та почва, на которую воздействуют таланты. А то армия из одних генералов раздираема спорами о командовании»⁵⁷. В отличие от правительственного проекта С.Е. Крыжановского он предполагал избирать от каждой губернии по 2–8 депутатов в «смешанной коллегии», где участвовали бы лица «свободных профессий» и ни одно сословие не имело бы абсолютного большинства (у С.Е. Крыжановского эта же идея была спущена на уровень уезда). В целом К.Ф. Головин полагал, что губернская коллегия выборщиков позволит дозировать представительство сословий, не допуская перевеса ни одного из них. У него также видно нежелание полностью отстранять от выборов «либеральные профессии», в частности, через отдельное избрание депутатов от 17 крупнейших городов. Свои соображения публицист оформил в виде записки и предполагал, по одобрении текста в салоне, разослать ее ряду сановников (в том числе А.Г. Булыгину) и Николаю II. По-видимому, именно эта записка обсуждалась в салоне 18 мая⁵⁸. Несомненно, что идеи, в ней изложенные, оказали влияние на разработку положения о Государственной думе.

Реформаторские проекты стали сильным катализатором оформления правых организаций с тенденцией их перерастания в политические партии. К.Ф. Головин и его салон приняли активное участие в этом процессе. Несмотря на неудачу в конце 1904 г., они снова сделали ставку на политическое объединение дворянского сословия в лице губернских предводителей. Однако превратить их неформальные собрания («беседы») в съезд дворянской правой в пик общеземскому съезду «левых» не удалось, так как среди них господствовали слишком «либеральные» взгляды на сотрудничество

⁵⁶ А.А. [Ширинский]-Шихматов — Ф.Д. Самарину 28 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1979. Л. 95.

⁵⁷ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 15 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 17–18.

⁵⁸ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 14 мая 1905 г. // Там же. Л. 14–15.

с земцами-конституционалистами и представления о необходимости глубоких политических реформ⁵⁹. Поэтому среди более «твердых» правых возникла идея созыва съезда единомышленников, состав которого подбирался бы персонально.

Съезд правых, по-видимому, готовился в предвкушении участия дворянства в обещанном совещании Булыгина по разработке предначертаний рескрипта 18 февраля 1905 г. Но когда правые узнали о его составе, они были удивлены и разочарованы: среди малочисленных «общественных деятелей» из их среды оказался призван лишь Ф.Д. Самарин. К.Ф. Головин небезосновательно предположил, что таким образом министерство отклоняло присутствие участников «из дум и земств»⁶⁰. Но насколько нужны были министру подобные критики будущей реформы? Если судить по воспоминаниям С.Е. Крыжановского, то не очень: чиновникам и так приходилось преодолевать довольно сильное влияние справа, нацеленное на то, чтобы минимизировать реформу политической системы. Разумеется, правые это чувствовали.

К.Ф. Головин играл в организации не состоявшегося тогда съезда одну из главных ролей и развил в связи с этим бурную деятельность. В частности, он подбирал от губернских дворянских обществ нужных кандидатов на участие в съезде, не доверяя «либеральничавшим» предводителям. 13 апреля 1905 г. у А.А. Бобринского семеро собравшихся (сам хозяин, А.А. Нарышкин, Н.А. Хвостов, А.П. Струков, А.А. Киреев, Волконский, Н.Н. Врангель) образовали «учредительное бюро партии» правых. Восьмым инициатором пригласили К.Ф. Головина. Трое из них были постоянными посетителями его салона. «Мы отделились от всяких сборищ, куда залезали и Валь, и Штюрмер, и Стишинский», которых подозревали в карьеризме⁶¹. В.И. Гурко, участник этих собраний, рассказал о них более подробно⁶². Созданный «Отечественный союз», хотя и озаботился вербовкой новых членов, но дело шло с трудом: «набирать чиновников не было ни смысла, ни охоты, связи же с широкими кругами населения у лидеров союза почти отсутствовали». В.И. Гурко также с большим скепсисом описал собрания членов союза у А.А. Бобринского для обсуждения вопросов, на которые присутствующие «лишены были возможности сколько-нибудь существенно повлиять». Кроме того, у собравшихся отсутствовало единодушие по ключевым вопросам.

⁵⁹ Лукьянов И.В. Указ. соч. С. 18–20.

⁶⁰ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 7 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 12–13.

⁶¹ Выписка из перлюстрированного письма Н.А. Хвостова С.Д. Квашнину-Самарину 14 апреля 1905 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 252.

⁶² Гурко И.В. Указ. соч. С. 450–453.

В частности, К.Ф. Головин полагал: «не суживать надо основы партии, как это делает Нарышкин, а расширять, т.к. бороться нам приходится не вправо, а влево. Даже самые неудобные лично правые элементы могут оказаться пригодными как союзники или, по крайней мере, как балласт». Он считал, что ему удалось перетянуть на свою сторону А.А. Куракина и С.С. Абамелек-Лазарева, и надеялся привлечь «москвичей» — Шереметева и Хомякова⁶³.

В начале мая 1905 г. работа по подготовке съезда правых была в основном завершена (как сообщал сам К.Ф. Головин, оставалось проделать ее в 6 губерниях), подготовлена программная записка, составленная на основе журналов заседаний его салона⁶⁴. Председателем будущего съезда К.Ф. Головин еще в апреле 1905 г. наметил А.А. Бобринского и был очень огорчен, когда тот отказался⁶⁵. Не состоялся тогда и сам форум, его идея в несколько измененном виде (депутатами стали губернские и уездные предводители) была реализована в начале 1906 г.⁶⁶

Неудача съезда отразила лишь трудность консолидации правых, она никак не умалила авторитета салона К.Ф. Головина. Его влияние проявилась в ходе Петергофских совещаний 19–26 июля 1905 г., где присутствовали и посетители «сред». В частности, активно вел себя на заседаниях А.А. Нарышкин, выступивший там несколько раз и прославившийся тем, что при попытке отстоять привилегии дворянства на выборах в будущую Думу он был грубовато приструнен великим князем Владимиром Александровичем⁶⁷. Разумеется, А.А. Нарышкин выступал в Петергофе от своего имени, но его позиция до известной степени отразила и мнения, господствующие в салоне: учреждение Думы не должно менять существующий порядок — неограниченное самодержавие и сословный строй, а депутатов следует рекрутировать прежде всего из преданной, как им казалось, престолу среды — землевладельцев-дворян и крестьян.

Тем не менее, столь выраженный охранительный настрой А.А. Нарышкина разделяли лишь другие «неумеренные» правые. Общество всё более стратифицировалось, распадалось на основе

⁶³ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 7 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 13. Вероятно, это С.Д. Шереметев и Д.А. Хомяков.

⁶⁴ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 2 и 6 мая 1905 г. // Там же. Л. 9, 11.

⁶⁵ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 2 апреля 1905 г. // Там же. Л. 1.

⁶⁶ Первый съезд губернских и уездных предводителей дворянства 7–11 января 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года... С. 390–460.

⁶⁷ Протоколы заседаний совещания под личным Его императорского величества председательством для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года. 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 года. СПб., 1905. С. 14–17, 79–80, 97–100, 126–129.

политических симпатий и антипатий. К.Ф. Головин занимал взвешенную позицию, допуская, к примеру, объединение умеренных монархистов и либералов. Публицист также опасался упований правых на «чумазое» преобладание в Думе: «русский мужичок <...> имеет оригинальное свойство, что одинаково ненавидит и бар, и интеллигентов, и, вероятно, разочарует и тех, и других и своим желанием прикарманить чужую землишку, и своим полным отсутствием либерализма». По мнению автора, «мужицкое большинство по всей вероятности окажется совершенно не способным к разрешению серьезных вопросов <...>: сперва-то милые пейзажи полакомятся на наш счет, а потом и войдут во вкус, подстрекаемые разными Гиршмайерами и Сукинсынцевыми, каковых в Петербурге непочатый угол». Здесь его правота подтвердилась уже весной 1906 г. А вот предложение К.Ф. Головина объединиться «истинным» либералам (тем, «которые хотят уважения к человеческой личности») и умеренным консерваторам (желающим того же, «с тою прибавкою, что власть царя и незыблемость православия они считают необходимыми»), оказалось трудноосуществимо. «Мы со своей стороны на более или менее исторической сходке 26-го марта у гр. Толя оттолкнули от себя крайнюю правую. Сделайте Вы то же самое с левой». Он справедливо отметил перспективу такой комбинацией: «Рано или поздно, Н.А. Хомяков, Д.Н. Шипов, тульский Львов, московский голова кн. Голицын и т.д. к нам примкнут»⁶⁸. В задуманном виде объединение не осуществилось, но надо признать, что в случае реализации оно стало бы действительно серьезной опорой для государственного строя в России.

Неготовность умеренных сторонников самодержавия к консолидации проявилась и в попытке обсудить записку К.Ф. Головина, предлагавшую идею особого представительства первенствующего сословия в будущей Думе и адресованной очередной «беседе» губернских предводителей дворянства 2 сентября 1905 г. Постановку вопроса поддержали лишь немногочисленные крайне правые предводители (В.Ф. Доррер, А.А. Римский-Корсаков), большинство же заявило о неуместности такой инициативы сразу после принятия положения о выборах — его пришлось бы пересматривать. В результате предводители дипломатично отказались составлять свое мнение по существу записки⁶⁹. Но в принципе К.Ф. Головин был прав: в таком виде избирательный закон не мог привести к появлению собрания

⁶⁸ К.Ф. Головин — Н.Д. Квашнину-Самарину 14 сентября [1905 г.] // ОР РГБ. Ф. 123. Раздел II. Карт. 11. №28. Л. 9–10 об.

⁶⁹ Запись беседы гг. губернских предводителей дворянства, съехавшихся в С.-Петербурге 2-го сентября 1905 года // Российское дворянство в революции 1905 года... С. 367–375.

депутатов как советника царской власти, что несколько наивно декларировалось при создании народного представительства. Позднее, в ноябре 1905 г. его предложение для нижней палаты повторили П.Н. Трубецкой и В.В. Гудович, а для Государственного совета его выдвинул П.Н. Дурново⁷⁰.

В общем, усилия публициста по объединению правых в 1905 г. оказались совершенно безуспешными: их лагерь разваливался, даже не успев собраться. Его попытки учредить правую газету наталкивались на равнодушие. Например, Ф.Д. Самарин, чем-то напомилавший в своем скептицизме К.П. Победоносцева, писал К.Ф. Головину о безнадежности и бессмысленности сплочения дворянства, о том, что консервативную газету некому возглавить, нужна консервативная программа, которой пока нет и т.д.⁷¹ В этих обстоятельствах К.Ф. Головин и его салон вернулись к своему прежнему статусу: небольшой группы единомышленников, предлагающей хорошие идеи, которые опережали представления, доминирующие в их среде, поэтому они не пользовались большой популярностью. Тем не менее, сам хозяин салона приобрел репутацию авторитета в правительственных кругах, к его запискам относились с вниманием. Так, некоторые идеи К.Ф. Головина оказались востребованы правительством С.Ю. Витте в конце 1905 г., когда власть обсуждала расширение круга избирателей в Думу после манифеста 17 октября. Выступая за сохранение трехкуральной системы, он предложил выделить в особую группу избирателей плательщиков квартирного налога, закрепив за ними определенное число выборщиков⁷². К.Ф. Головин также наметил особую рабочую курию, избираемую по специальным фабричным округам, которой он отводил 19 депутатских мандатов в Думе. Идея рабочей курии была немедленно взята на вооружение⁷³, а вот курия плательщиков квартирного налога была учреждена в измененном виде (два съезда городских избирателей) только в результате третьей июньской переворота в 1907 г.

Когда стало ясно, кто победил на первых выборах в Думу, еще до ее созыва, 15 апреля 1906 г. К.Ф. Головин обратился к Николаю II с запиской, в которой еще раз призвал пересмотреть избирательный закон. Публицист отдавал перевес земледельческой и городской куриям как самым «культурным», предвосхитив идеологию акта

⁷⁰ Записка 17 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 16. Л. 217–227.

⁷¹ Ф.Д. Самарин — К.Ф. Головину [первая пол. сентября 1905 г.] // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 156. №7. Л. 1–3.

⁷² Записка К.Ф. Головина «К вопросу о применимости в России всеобщей подачи голосов» 17 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 41. Л. 30–32.

⁷³ Мемория Совета министров о способах осуществления высочайших пред- указаний, возвещенных в п. 2-м Манифеста 17 октября 1905 г. // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 76–87.

3 июня 1907 г.⁷⁴ Сделать это он предлагал после летних каникул: распустить Думу и назначить выборы уже по новому избирательному закону на октябрь 1906 г.⁷⁵ Планировавшиеся изменения в ценах были незначительны. К.Ф. Головин предлагал удалить из землевладельческой курии крестьян-собственников, приобретших землю при посредстве Крестьянского банка, а в городской курии вернулся к своей уже высказанной в конце 1905 г. идее допустить для «высшей категории городских обывателей» прямое избрание выборщиков. Власть воспользовалась предложениями публициста, но в 1907 г.

Казалось бы, К.Ф. Головин в 1905 г. получил то, чего ему так не хватало, — влияние его суждений, востребованность со стороны власти. Но настала эпоха реформ П.А. Столыпина. Публицист оказался на стороне оппонентов премьера справа, пытался защищать интересы поместного дворянства, охраняя их прерогативы на местах, активно участвовал в деятельности объединенного дворянства, где сгруппировались противники столыпинских реформ. Вероятно, тут сказались его давние представления: при проведении местной реформы в деревне не на кого было опереться из-за малочисленности землевладельцев, поэтому же невозможно было вернуть институт мировых судей. В отличие от идеологов «дворянской фронды» К.Ф. Головин полагал, что помещики уже, а крестьяне еще не могут быть опорой порядка и закона на местах⁷⁶.

Ему по-прежнему не удавалось сплотить умеренных правых. Инициатива публициста объединить избранных членов Государственного совета, «воспользовавшись нейтральностью моего помещения», чтобы «из выборных от дворян и земства образовать консервативное ядро, к которому примкнут со временем, конечно, и представители промышленности», осуществилась с заметным сдвигом вправо (С.С. Гончаров, П.Н. Дурново)⁷⁷. Позднее он составил 10 пунктов, вокруг которых следовало бы собрать защитников самодержавия. В них проступили его давние симпатии к дворянству (контроль его над земством), усилившийся национализм (защита государственного языка, православной церкви и детализированный антисемитизм), а также экономическая поддержка деревенского хозяйства, развитие начального образования⁷⁸. Увы, снова безуспешно: программа по сути

⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 44. Л. 256–257.

⁷⁵ К.Ф. Головин — И.Л. Горемыкину 25 апреля 1906 г. // Там же. Л. 262–263.

⁷⁶ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 28 февраля 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 186. № 16. Л. 45–46.

⁷⁷ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 23 апреля [1906 г.] // Там же. Л. 6–6 об.; *Бороздин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013. С. 204.

⁷⁸ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 5 сентября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 186. №16. Л. 20–23.

противоречила курсу П.А. Столыпина. Последняя известная мне попытка относится к концу 1911 г., когда уже после гибели П.А. Столыпина К.Ф. Головин предложил платформу объединения двух фракций в Думе — правой и националистов, существенно развив свои пункты 1907 г. В ней не было ни одной из задуманных, но не осуществленных премьером реформ, зато содержалось требование сохранить прежнюю власть губернских и уездных предводителей дворянства, а также передать часть ее в руки помещиков на более низком уровне. Отказавшись от своей прежней идеи волостной реформы, К.Ф. Головин предлагал трансформировать программу преобразования местной власти и учредить участковый сход из всех землевладельцев (от 100 десятин), священников и по одному уполномоченному от сельских обществ (понятно, кому в таком собрании принадлежало бы большинство). Сход высказывал бы «пожелания» по поводу школ и местных дорог (т.е. местного хозяйства, которое оказалось бы в руках планируемого властью всесословного волостного земства). Предполагалось также проводить жесткий национальный курс и правительственный анти-семитизм⁷⁹. Такая программа нового провластного большинства в Думе означала, что сотрудничать оно будет с кабинетом без планов реформ, каким и было правительство во главе с В.Н. Коковцовым. Однако столь заметный поворот курса вправо опять не состоялся: правительственное большинство в Думе сформировалось ближе к центру, с участием части октябристов. Николай II вернулся к идее правого блока в обеих палатах только в начале 1917 г., но осуществить его самодержавие не успело.

История политического салона К.Ф. Головина — это по большому счету история того, с каким трудом правая мысль в России трансформировалась в политическое объединение, как трудно ей было нащупать взвешенную линию. Основной проблемой российских правых всегда было отсутствие устойчивой социальной опоры, так как крупная буржуазия находилась в оппозиции к самодержавию, а петербургские чиновники не могли заместить ее. Разумеется, с охранительных позиций невозможно было предложить действенные рецепты спасения государственного порядка, но нельзя отрицать наличия у их сторонников многих здравых идей. Вместе с тем деятельность салона показала также существование сложных механизмов, которые связывали благонамеренное общественное мнение и власть, но в начале XX в. их было уже явно недостаточно, о чем на склоне жизни сожалел К.Ф. Головин.

⁷⁹ Головин К.Ф. Проект программы для объединения правых и националистов 22 октября 1911 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 200.

Список литературы

Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. 1983. С. 156–169.

Антонцева В.А. Аграрная программа К. Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2005.

Лукоянов И.В. Предыстория объединенного дворянства: «беседы» губернских предводителей в конце 1904 — начале 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года: «беседы» губернских предводителей. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 11–23.

Солоусов А.С. Общественно-политические и экономические взгляды К.Ф. Головина в 80-е – 90-е гг. XIX в. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 161–167.

Поступила в редакцию
16 мая 2020 г.